

Митрополит Вениамин
(Федченков)

О ВЕРЕ, НЕВЕРИИ И СОМНЕНИИ

митрополит Вениамин (Федченков)

О вере, неверии и сомнении

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41991821

*О вере, неверии и сомнении...: Издательство «Сатисъ», Издательство
«Нева, Ладога, Онега»; СПб.; 2005
ISBN 5-7373-0099-4*

Аннотация

Владыка Вениамин всю жизнь записывал свои размышления, излагал мысли по разным вопросам церковной и общественной жизни, собирал рассказы о «Божьих людях», о праведниках, о чудесных явлениях. Записывал и то, чему сам был свидетелем. Все самое интересное и поучительное из собранного Владыкой в течение его жизни, он поместил в этой книге. Печатается с разрешения издательства «Нева, Ладога, Онега»

Содержание

О вере, неверии и сомнении	5
Часть I	26
Конец ознакомительного фрагмента.	48

**Митрополит
Вениамин (Федченков)
О вере, неверии
и сомнениях...**

© Митрополит Вениамин (Федченков)

© Издательство «Нева, Ладога, Онега», 1991

© Издательство «Сатисъ», 2005.

О вере, неверии и сомнениях

«А сердце говорит мне: верь!...»

«О вере, неверии и сомнениях...» Так называется книга, предлагаемая ныне вниманию читателей. Имя ее автора – митрополита Вениамина (Федченкова) – вряд ли известно широкому читателю. До недавнего времени произведения этого яркого духовного писателя совсем не издавались, за исключением разве что фрагментарных публикаций в церковной периодике.

Митрополит Вениамин оставил богатейшее наследие. Он был автором прекрасных книг по богословию, вдохновенных проповедей, по словам очевидцев, доступных, действенных, запоминающихся. Его мемуары, наполненные глубокими размышлениями, читаются на «одном дыхании», как захватывающий роман, – и все это пока еще ждет выхода в свет. Но все-таки, говоря о наследии владыки Вениамина, было бы неверным утверждать, что книги его хранились под спудом, что затепленная им свеча укрылась на все эти годы от людских глаз. К счастью, этого не произошло. Книги митрополита Вениамина в виде машинописных копий хранились в монастырских и семинарских библиотеках, в домах верующих. Их читали семинаристы и монахи, паломники, приходившие на поклонение святыням, люди уверовавшие и

сомневающиеся. И наверное, многим встреча с творениями владыки митрополита давала помощь и поддержку, а может быть, зажигала в сердцах благодатный огонек, освещающий путь к спасению. Его книги жили в народе, с которым неразрывно связана была его судьба, который он назвал однажды «самым лучшим на свете». Не потому, конечно, что бывают народы плохие и хорошие, а потому, что бесконечно любил тот народ и ту землю, где судил ему проходить жизненное поприще Бог; народ, в чье обращение ко Христу он верил всегда и желал трудиться для этого... И что же, случайность? Нет, не случайность, конечно, что мудрое слово святителя приходит к нам именно сегодня. Речь идет не о пресловутых «возможностях» России, не о благоприятных лишь внешних обстоятельствах, которые тоже в свою очередь преодолены свыше. Нет. Книга «О вере, неверии и сомнении» появляется тогда, когда она нам особенно нужна. Владыка дарит вдохновенное слово свое – плод молитв и скрытых от мира подвигов – нам, в силу ли наших грехов или грехов наших предшественников, все еще продолжающих нерадиво относиться к делу спасения, все еще блуждающих в трех соснах, посаженных вдохновителями и адептами принудительного атеизма. Настало «время благоприятно»: открываются храмы и обители, издается духовная литература, в жизнь людей возвращается Слово Божие. Несомненно, возрос интерес к традиционным христианским ценностям. И вот – нам в помощь – еще одна книга. Ответ «совопросникам века се-

го»; тихое собеседование с духовно опытным человеком. Собеседование, ибо, читая книги владыки Вениамина, невольно проникаешься его духом, его мыслями, чувствуешь поддержку, получаешь добрый совет, руководство на пути своих исканий. Обаяние личности (в самом высоком смысле этого слова) автора книги побуждает узнать о нем, о его жизни. Поэтому некоторые биографические сведения привести здесь просто необходимо.

Будущий иерарх родился в 1880 году в Тамбовской губернии, в Кирсановском уезде, в большой и дружной крестьянской семье. В миру его звали Иван Афанасьевич Федченков. А всего у его родителей, Афанасия Ивановича и Наталии Николаевны, было шестеро детей. И каждому из них бывший дворовый человек господ Баратынских и дочь сельского дьякона сумели дать образование, высшее или среднее. Но главное не в этом, хотя, решив дать всем детям образование, родители вступили на путь настоящего жизненного подвига, обрекли себя на постоянный напряженный труд и на многие лишения. Ведь и тогда, во времена благополучные, не текла земля русская молоком и медом. В основе всякого преуспевания лежал труд. А еще – молитва. И родители сумели дать детям своим это главное сокровище – веру, без которой невозможна ни молитва, ни упование. Вера эта зарождалась в душах детей с первых сознательных шагов, была поначалу простой, «детской», затем, естественно развиваясь, росла вместе с человеком, проходила многие стадии,

крепла с годами, становилась зрелой и осознанной; направляла и укрепляла в трудные минуты. В этой простой, самой обычной (таких было множество) семье росли в подлинном смысле гармонично развитые люди – верующие и знающие. Вера и знание – любовь к ним с юных лет была присуща Ване Федченкову. Она определила его жизненный путь монаха и богослова, поставила его на высшие ступени церковной иерархии. И наверное, очень важно, что будущий владыка рос в атмосфере веры живой, действенной, вдохновляющей на ежедневные, с первого взгляда маленькие и незаметные подвиги. «Святая бабушка Надежда», – смиренная и глубоко верующая, добрая и кроткая, живущая не для себя, а для ближних. Мать-труженица, положившая жизнь на воспитание детей. Сама атмосфера семьи, с ее ежедневным самоограничением будней и радостными праздниками – все это накладывало свой благодатный отпечаток на душу мальчика, очень рано почувствовавшего свое призвание, узнавшего дорогу в храм Божий.

Образование свое будущий владыка начал в земской школе, потом учился в Кирсанове, в городском училище. Затем – духовное училище в Тамбове и Тамбовская семинария. В 1903 году Иван Федченков стал студентом Санкт-Петербургской Духовной Академии, а на последнем курсе принял монашество и получил в иночестве имя – Вениамин. Годы учебы, первые шаги на монашеском поприще, друзья и наставники – все это осталось в памяти владыки Вениамина на всю

жизнь. И часто в своих произведениях он возвращается мысленно к годам молодости, с благодарностью вспоминает это время. Но в этих воспоминаниях уже зрелого, умудренного духовным и житейским опытом человека, мудро и трезво оценивающего прожитые годы, звучат тревожные нотки. Да, конечно. Замечательные люди окружали иеромонаха Вениамина. Его наставником был архимандрит Феофан (Быстров), впоследствии архиепископ, – духовник царской семьи, человек глубокой веры и мощного интеллекта. В академии о. Феофан занимал тогда должность инспектора. А ректором был архиепископ Сергей (Страгородский) – будущий патриарх Московский и всея Руси. Среди товарищей о. Вениамина по академии было немало близких ему по духу людей, искренно желавших служить Богу и людям, одолевших нелегкую богословскую премудрость. Но все же и о себе самом, и о многих людях, живших рядом и, казалось бы, искавших того же, что и он, владыка делает неутешительный вывод: «Нет, не горели мы, не горели»... Здесь – ключ к разгадке многих загадочных для нас, открывающих собственную недавнюю историю, вопросов: этой, исполненной горечью фразой митрополит Вениамин вскрывает важную духовную причину, точнее – одну из причин страшной трагедии, сопутствовавшей бедам революций и войн. Трагедии – отпадения от Бога и Его Святой Церкви, трагедии, которая, увы, не закончилась и продолжает приносить свои горькие плоды. Не горели... Даже те многие тогда еще люди, стремившиеся в своей жиз-

ни к познанию Бога, к следованию светлым началам Православия, не горели... И как это ни покажется странным, а может быть, даже чудовищным сегодняшнему «цивилизованному», «современному» или, как говорили во временаладыки Вениамина, «передовому» человеку, живущему по законам «мира сего», – «не горели», потому что подчинили веру рассудку; предпочли опыт внутреннего богопознания голому интеллектуальному буйству. Попытались обосновать с помощью законов познания естественного мира непознаваемое, объяснить необъяснимое... Рационализм вторгся и овладевал сферой, в которой он просто неприменим.

Но был всегда в Русской Церкви путь, никогда не прерывавшийся, связанный прочной нитью с исконными святоотеческими традициями, – путь прикосновения, приобщения святыне, основанный на внутреннем опыте, на жизни во Христе. Молодому иноку Вениамину еще в студенческие годы посчастливилось встретиться и даже сослужить во время Божественной Литургии отцу Иоанну Кронштадтскому – великому молитвеннику Земли Русской, которого он глубоко почитал, часто обращаясь к духоносным творениям праведника. После окончания академии о. Вениамин дважды посетил знаменитую Оптину; некоторое время гостил в монастыре, бывал на беседах у старцев. И на всю жизнь сохранил завет-молитовку одного из них – иеросхимонаха Нектария (+1928), повторяя в трудные минуты: «Боже! Дай мне благодать Твою!»... Удивительное свойство истинно христиан-

ской души – хранить всю жизнь! Слагать в сердце «единое на потребу», приобщаясь духу подвижников благочестия, воспринимать этот дух, сохранять его. Религиозная писательница Н. А. Павлович (1895–1980), духовная дочь старца Нектария, много писавшая об Оптиной, встретив – нет, даже не встретив, а увидев однажды во время богослужения владыку Вениамина (в г. Риге), почувствовала в нем «оптинский дух», хотя, конечно, не ведала о кратковременных посещениях молодым тогда о. Вениамином Оптиной Пустыни. И еще более удивительное: о. Вениамин бывал в Оптиной в начале 10-х годов, а Н. А. Павлович увидела его впервые, кажется, в 1947-м, во всяком случае – в конце 40-х. И этот «дух» чувствовался! Разве не чудо? Разве не доказательство той реальности незримого, о котором говорит владыка в своей книге?

«Божьими людьми» любовно назвал митрополит Вениамин всех людей, прислушивающихся в жизни горнего мира, живущих этой неземной реальностью, идущих по узкому и тернистому пути в Царствие Небесное. О гражданах Небесного Иерусалима, с которыми встречался он в своей жизни, о которых слышал, с любовью и благодарностью написал он в книге, которую так и назвал – «Божьи люди».

Этот замечательный труд содержит рассказы о праведниках: об оптинских старцах, монахах в миру и просто благочестивых мирянах, чья жизнь озарялась Правдой Божией, о тех, кто согревал теплом своей любви и веры ближних. Эта

книга – о встречах со святыми.

Кстати, «Божьи люди», встречи с ними, во многом определили жизненный путь будущего иерарха. Из записок самого митрополита, из рассказов о нем известно, что монашество и даже архиерейство ему предсказывали схимник в Воронеже (будущему владыке было в то время два года); старец Иоанно-Предтеченского скита на Валааме о. Никита; некая благочестивая «болящая» старица; иеромонах Гефсиманского скита Троице-Сергиевой Лавры о. Исидор...

После окончания академии в 1907–1908 гг. иеромонах Вениамин – профессорский стипендиат на кафедре Библейской истории, а в 1910–1911 гг. – личный секретарь архиепископа Финляндского Сергия (Страгородского). С 1911 года о. Вениамин, возведенный в сан архимандрита, занимает должность ректора Таврической семинарии, а с 1913 по 1917 гг. трудится на посту ректора семинарии в Твери. В 1917–1918 гг. архимандрит Вениамин (Федченков) принимает участие в работе Поместного Собора Православной Российской Церкви.

Раскрыта одна из самых страшных страниц русской истории. Две революции и гражданская война. Разделение и братоубийство. Кровь, насилие, смута. Вихри стремительно сменяющих друг друга событий. Разрушение старой государственности, начало открытых, небывалых по своим размахам гонений на Церковь Христову. Беда одна не ходит. Одновременно с гонителями-безбожниками, а иногда и ру-

ка об руку с ними восстают на Церковь, «раздирают Хитон Христов» раскольники, самостийники; начинают заявлять о себе будущие обновленцы. Но и в это страшное время билось сердце Православной Руси, и пульс его чувствовался на заседаниях Собора. Воодушевление верующих людей, вставших на защиту своих святынь, выливалось в многотысячные крестные ходы и массовые «дни покаяния». Русская Церковь явила сонм мучеников-исповедников, кровью своей искупавших грехи народа, в том числе грехи безверия и «теплохладности». Святитель Тихон, патриарх Московский, избранный посредством жребия, в эти дни начинает свой крестный путь «ежедневного умирания» за свою всероссийскую паству. Церковь оставалась со своим народом и в условиях жесточайшего террора боролась со злом единственным возможным для Нее способом и нравственно обоснованным оружием: силой материнского убеждения и попечения о заблудших душах.

В феврале 1919 года архимандриту Вениамину, вернувшемуся по приглашению преподавательской корпорации на пост ректора Таврической семинарии, суждено было встать на путь архиерейского служения. Сбылось предсказание «Божьих людей». В кафедральном соборе г. Симферополя состоялась архиерейская хиротония архимандрита Вениамина (Федченкова) во епископа Севастопольского, викария Таврической епархии. В грозный час владыка Вениамин нелегкий крест архипастырского служения.

В 1920 году, уже после эвакуации белых из Новороссийска в Крым, епископ Вениамин примкнул к Белому движению; стал «епископом армии и флота», главой военного духовенства Русской Армии барона П. Н. Врангеля. Никакие внешние обстоятельства не принуждали его к этому шагу. Епископ Вениамин сделал свой выбор добровольно, по зову сердца, выполняя долг архипастыря Церкви и патриота. С главнокомандующим у владыки сложились теплые отношения; епископ Вениамин был приглашен как представитель Церкви к участию в работе совета министров, состоявшем при Врангеле.

Решалась судьба Отечества. Ничтожно малая величина – армия Врангеля, загнанная на Крымский полуостров, пыталась противостоять бешеному натиску красных войск. Последний клочок старой России – страны, где жизнь строилась на христианских принципах, где уклад бытия во многих своих ежедневных проявлениях был взращен Православием... Но главное – сердцем этой страны была Святая Русь, Русь храмов и монастырей, святителей и старцев, странников и святых жен. А теперь еще и мучеников, исповедников, ежедневно истязаемых за имя Христово... Но это странное и недолговечное государственное образование – «Крым», крайне пестрое по составу своего населения, по политическим симпатиям своих граждан – унаследовало «неверие и сомнение», давно жившее в русском обществе. Те, что должны были стать белыми рыцарями христианства, тоже «не го-

рели». «Мы не белые, мы – серые», – так скажет впоследствии владыка Вениамин. Но они были для него «свои», родные, близкие по духу, по схожим условиям жизни, по воспитанию, по идеалам, в конце концов. Особенно – мальчишки-идеалисты, чей вклад в Белое движение трудно переоценить. Вчерашние студенты и гимназисты, кадеты и воспитанники семинарий, умирающие на Перекопе «за Бога и Родину», вызывали у епископа Вениамина горячую симпатию и одновременно щемящее чувство жалости. И все же духовного подвига не получилось. Армия (по выражению владыки) была некрещеной.

В ноябре 1920 года вместе с армией и беженцами епископ Севастопольский Вениамин покинул Крым, оставил Родину. Начались долгие годы изгнания...

Все то, чему он был свидетелем, в чем принимал личное участие, живя в России в предреволюционные годы, что испытал в годы гражданской войны и в скитаниях на чужбине, митрополит Вениамин описал в своих воспоминаниях «На рубеже эпох». Это яркая картина жизни старой России, галерея портретов известных нам из истории людей, с которыми довелось встречаться владыке Вениамину: император Николай II и императрица Александра Федоровна, митрополит Антоний (Храповицкий), Григорий Распутин и А. Ф. Керенский, бывший террорист Л. А. Тихомиров и многие, многие другие. Вместе с автором путешествуем мы в переполненном вагоне по голодным губерниям охваченной граждан-

ской войной России, присутствуем на заседаниях Поместного Собора. Допрос в ЧК и камера в большевистском застенке, приемная Врангеля и корабль, увозящий русских на чужбину...

За границей епископ Вениамин участвовал в налаживании церковной жизни в условиях зарубежья. Он живет в Сербии, где собирает в одном из монастырей русскую братию, преподает Закон Божий в двух кадетских корпусах: Русском и Донском им. Генерала Каледина; а одно время (в 1923–1924 гг.) на короткий срок вновь становится викарным архиереем – управляет приходами в Карпатской Руси, переноса «неприятности», доставляемые полицией, и преодолевая препоны, чинимые чехословацкими властями, считавшими, что русский архиерей пользуется слишком большим влиянием среди православных «русинов». В это же время епископ Вениамин принимает решение вернуться на Родину. Знал ли он о том, что там творилось? В полной мере, конечно, нет. Но его тянуло в Россию, к народу, которому он был должен, обязан и страстно желал проповедовать Слово Божие, невзирая на любые внешние, даже самые страшные, условия бытия. Бог судил иначе. Лишь через двадцать лет он снова будет в России, дома. Мысль о проповеди Евангелия, о судьбе лишаемого просвещения родного народа не покидала владыку Вениамина все годы его пребывания на чужбине. Она несомненно сыграла решающую роль в принятии им «декларации» митрополита Сергия (1927 г.), призвавшего к лояльно-

сти по отношению к Советской власти. Сейчас много говорят и пишут об этом документе, обвиняя митрополита Сергия (Страгородского) чуть ли не в сотрудничестве с безбожниками, в предательстве интересов верующих. И все эти рассуждения людей, часто весьма далеких от Церкви, «удачно» вписываются в идеологические построения, в хитросплетения словес, не понятно кому и зачем нужные. «Декларация» была принята под сильнейшим давлением властей, поставивших подписание этого документа условием легального существования Православной Церкви в СССР.

Прежде чем подписать «декларацию», владыка Вениамин отслужил сорок литургий – для «прояснения ума и подкрепления сил», разумеется, духовных. И весь этот отрезок времени ежедневно и ежечасно прислушивался он к малейшим душевным движениям, ища ответа в пламенной молитве. Размышления епископа Вениамина по поводу «декларации» нашли отражение в его книге «Святой Сорокоуст». Приведем несколько фрагментов из нее.

«Вчера читал на трапезе жизнь св. Александра Невского, который, спасая душу народа, спасал этим и государство; для этого и смирялся перед ханами.

Но наше дело, духовенства, – думать хотя бы об одной душе народа. А все прочее предоставить на волю Божию, – и самый народ с его властью».

«Родной народ! Только страждущий и упавший. Уныл духом. Ждет ласки и помощи. Бедный!»

«Здесь же христианство приводится в жертву политике; а наоборот: мы должны быть лояльными, лишь бы иметь свободу Евангельской проповеди».

«Ну хорошо... Мне будет мирно, удобно... И эмиграция успокоится.

А там? А в самой-то России? А что с народом-то? Мое смирение не окажется ли укрывательством от подвигов? Не стыдно ли будет от своего покоя?

...Нет! Нужно, хотя и с крестом, «служить народу» своему (слова [патриарха] Тихона во сне).

Припомнилось мне из сновидения, как [патриарх] Тихон сказал мне: «Послужи народу!»

Закончился «Сорокоуст», епископ Вениамин присоединился к «декларации». И для него, архиерея, оставшегося верным Московской Патриархии, патриаршему местоблюстителю митрополиту Сергию, началась полная суровых испытаний и многих скорбей жизнь среди враждебно настроенных соотечественников. Вскоре (в 1931 г.) ему пришлось оставить профессорство в Православном Богословском институте в Париже, с которым он был связан с 1925 года, переехать в Америку, устраивая почти в одиночку церковную жизнь православных, сохранивших связь с Москвой, с митрополитом Сергием. Но среди всех вынужденных тягот (у него не было постоянного пристанища, приходилось ночевать у знакомых, сносить насмешки и издевательства враждебно настроенных эмигрантов и даже, по рассказам, подме-

тать улицы) архиепископ (с 1933 г.) Вениамин не отступал от принятого в результате внутреннего опыта решения, оставаясь верным священноначалию Русской Православной Церкви.

Известие о начале войны с Германией владыка встретил в Соединенных Штатах. «От судьбы России зависят судьбы мира», – так сказал он однажды о событиях, развернувшихся на востоке Европы. С первых же дней Великой Отечественной войны митрополит Северо-Американский Вениамин, экзарх Московской Патриархии в Америке (в сан митрополита он был возведен в 1939 году), стал активным участником патриотического движения, охватившего значительную часть русской эмиграции, и, можно даже сказать, одним из вдохновителей этого движения. Он выступает на митингах американской общественности, выступает с лекциями о России, о Русской Церкви; участвует в сборе средств; и вот уже первые труды для Красной Армии (оборудование для госпиталей, медикаменты, продовольствие) отправляются в Россию.

Владыке за шестьдесят лет, он уже пожилой человек; понемногу его начинают одолевать немощи. Но на все просьбы своих сотрудников побереечь здоровье он отвечает: «Сейчас болеть некогда»; и вновь, преодолевая недуги, работает, не щадя сил.

Митрополит Алеутский и Северо-Американский Вениамин – почетный председатель русско-американского Коми-

тета помощи России – имел право в любое время дня и ночи входить с докладом к президенту США.

«Все кончится добром». Эти слова владыка произнес в самом начале войны, когда, казалось, не было никаких оснований для счастливых прогнозов. Но была надежда. Были молитва и труд. О даровании победы русскому оружию молились тогда в Америке даже в храмах, не подведомственных Патриархии. И в этом тоже сказывалось влияние митрополита Вениамина.

Удивительно! Казалось, что русских, живущих в Америке, отделяет от Родины не только океан, – между ними и их соотечественниками пролегла за эти два с половиной десятилетия бездонная пропасть: революция, не знающая взаимного снисхождения братоубийственная война, годы изгнания, горечь потерь и идеологические разногласия. Родную страну и народ скрывал «железный занавес». Но, несмотря на все это, через океан, через прошлое, через неприятие и ненависть к режиму потянулись нити помощи и нелицемерной любви к соотечественникам. Сегодня, впрочем, как и всегда, дело совести каждого оценивать этот порыв наших зарубежных соотечественников. Говорят разное. «Попались-де белые эмигранты на удочку Сталина, игравшего в патриотизм. Помогали, а кому?» На это можно сказать одно: и митрополит Вениамин, и все жившие за рубежом русские, откликнувшиеся на зов страждущего Отечества, были людьми искренними; и в отличие от многих наших совре-

менников не путали страну и народ с режимом и его преступлениями. Русские помогали русским, соотечественники – соотечественникам, братья – братьям. Разве это не лучше ненависти и братоубийства?

В самом конце войны, в конце января – начале февраля 1945 года, впервые после 25 лет разлуки, владыка Вениамин побывал на Родине. Он принимал участие в Поместном Соборе Русской Православной Церкви, проходившем в эти дни в Москве. Митрополит Сергей, избранный патриархом в сентябре 1943 года, скончался 15 мая 1944-го. И теперь на вдовствующей патриарший престол членами Собора был избран митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей (Симанский). Дни работы Поместного Собора вылились в настоящее церковное торжество. Присутствовали предстоятели трех поместных Церквей: Александрийский, Антиохийский и Грузинский патриархи, представители других православных Церквей, многочисленные гости.

Митрополит Вениамин представлял на Соборе свою американскую паству, а также выступал от имени митрополита Евлогия (Георгиевского) и так называемых «феофиловцев», раньше не имевших общения с Патриархией, а теперь пожелавших его восстановить. На заседаниях Поместного Собора шла речь о восстановленных духовных школах, об издании богослужебной литературы, рассматривались другие насущные вопросы церковной жизни, о которых еще вчера нельзя было и помыслить. Но главное, что произвело впечатление

на владыку Вениамина, – народ Божий. Долгие годы за границей не раз задавался он вопросом о том, сохранилась ли вера в русском народе. В конце 30-х годов, в Нью-Йорке, он написал:

Так было прежде, Русь родная:
Ты верила... А что теперь?
Умом давно тебя не знаю;
А сердце говорит мне: верь!
Сердце не обмануло...

«Я достаточно мог наблюдать родной народ и понять его. И скажу прямо: впечатление от народа – самое сильное, самое важное, что я увожу с собой с Родины за границу. И прежде всего скажу о верующих. Боже, какая горячая вера в них!» – писал митрополит Вениамин в своей статье, опубликованной в «Журнале Московской Патриархии». И еще: «Горяча вера у русского православного народа... И вообще пришел к несомненному убеждению, что не только в отдельных личностях, но и в широчайших толщах народа – вера жива и растет» (Митрополит Вениамин (Федченков). Мои впечатления о России. // Журнал Московской Патриархии. 1945. № 3. С. 21–24).

В 1947 году владыка Вениамин вернулся на Родину. Во время своей поездки в 1945 году он воочию убедился в самом главном – «вера жива и растет». А значит, он нужен дома. В Америке же он оставлял епархию, объединяющую 50

приходов Московской Патриархии (а не было ни одного!).

Русская Церковь выстояла в страшных гонениях, сохранив неприкосновенными свои догматы и каноны. Оживала церковная жизнь, и люди, открыто исповедующие свою веру, сами того не зная, даже не помышляя об этом, были победителями. Они сохранили сердце народа – Святое Православие.

Конечно, возрождение проходило в очень трудных условиях. Еще свежа была боль утрат, и контроль властей не давал забыть о себе. Налаживание церковной жизни, еще перед самой войной едва теплившейся, приговоренной к уничтожению, проходило теперь на фоне послевоенных трудностей. И радость, и скорбь шли рука об руку: потеря близких, разбитые судьбы, неустроенность быта. Одним словом – скорби...

И владыка Вениамин, назначенный на Рижскую кафедру, обратился к своей новой пастве с такими словами: «Радуйтесь, всегда радуйтесь, и в скорбях радуйтесь!» Так возобновилось его служение в пределах Отечества, прерванное более четверти века назад. Возобновилось с обращения, в котором ключевым было слово «радость» – неотъемлемая черта веры.

В 1951–1955 гг. митрополит Вениамин управлял Ростовской епархией. В эти годы он встречается и поддерживает дружеские отношения с архиепископом Лукой (Войно-Ясенецким) – замечательным иерархом и богословом, муже-

ственным исповедником, прошедшим через горнило страшных испытаний. В то время владыка Лука управлял Симферопольской епархией.

В 1955 году митрополит Вениамин был назначен на Саратовскую кафедру. Ему было уже 75 лет. Силы уходили, владыка стал часто болеть. В 1958 году Высокопреосвященнейший Вениамин, митрополит Саратовский и Вольский, был, согласно его прошению, уволен на покой и поступил на жительство в Псково-Печерский монастырь. Его последние годы прошли в обители. Скончался владыка 4 октября 1961 года и был погребен в монастырских Богозданных пещерах.

В последние годы жизни, наряду с заботами по управлению епархиями, митрополит Вениамин приводит в порядок свои записи, редактирует ранее собранные труды. Заканчивает книгу «О вере, неверии и сомнении», которую начал еще в Америке. Владыка всю жизнь записывал свои размышления, излагал мысли по разным вопросам церковной и общественной жизни, собирал рассказы о «Божьих людях», о праведниках, о чудесных явлениях. Записывал и то, чему сам был свидетелем. Собирал он и письма к нему различных людей, особенно те из них, в которых отражались человеческие судьбы, какие-либо закономерности духовной жизни. Или же просто – свидетельства любви к нему. А любовь эта, доверенность и привязанность, глубокая симпатия к личности владыки со стороны паствы всегда сопровождали его во всех местах служения. Этот богатейший материал владыка

Вениамин использовал в своих книгах. И одна из них – перед вами.

Часть I

Детская вера

Давно уже копился у меня материал о вере и неверии. Можно даже сказать, что почти вся жизнь переплетена была с этими вопросами – так или иначе. И до сего момента ЖИВУ В АТМОСФЕРЕ ЭТИХ ВОПРОСОВ (выделено М.В. – *Ред*): все прочее кружится около них или ими пересекается. Читал я на эти темы лекции и в СПб Академии и в Парижском Богословском институте, и в разных публичных выступлениях. Есть у меня и наброски-конспекты. И вот теперь в эту свободную неделю запишу, что удастся.

* * *

Это не будут непременно «лекции», а скорее, «автобиографические» заметки. Как я в жизни своей переживал вопросы о вере, что думал о них. Это – вроде «исповеди о вере».

И я хочу, чтобы это было живо, – ведь это действительно все переживалось. Это записки или заметки сердца, облеченные потом и в формы ума.

* * *

А кому-нибудь и пригодятся: люди – подобны.

* * *

Начну с тех пор, как стал помнить себя с верою.

* * *

Конечно, не помню, как и когда заброшены были в мою душу первые слова и мысли о вере матерью... Память уже застала меня верующим, – какими были и мои родители, как и вообще все окружающие, люди из «простого», почти деревенского класса. Отец мой был конторщик в имении Б-х, а мать дочерью диакона из с. Софьинки.¹ Отец мальчиком был еще крепостным. Никаких «безбожников» я в детстве

---

¹ После окончания академии (1908–1908 гг). иеромонах Вениамин стал профессорским стипендиатом на кафедре Библейской истории, а затем занимал должность инспектора в Санкт-Петербургской Духовной Семинарии. В Парижском Православном Богословском институте епископ Вениамин преподавал в 1925–1927 и 1929–1931 гг. Отец владыки Вениамина – Афанасий Иванович Федченков – происходил из крепостных крестьян Смоленской губернии; он был дворовым человеком Баратынских – потомков знаменитого русского поэта Е. А. Баратынского. В возрасте 13–14 лет его отправили конторщиком в тамбовское имение.

не видел и даже о них не слышал. Все кругом верили несомненно. Мир Божий, сверхъестественный, был такой же реальностью, как и этот земной. Буквально – никакой разницы. И я даже не помню: когда я впервые узнал, что существуют безбожники? Не помню и впечатления от этого нового знания. Но во всяком случае, это не произвело на меня, очевидно, никакого впечатления – уже по одному тому, что не осталось в памяти моей как что-то особенное... Итак, я всегда помню себя верующим! И можно сказать: я никогда не был неверующим. Однако знаю, что такое состояние сомнения и неверия; но об этом напишу дальше.

...Чтобы потом не забыть: запишу один разговор на эту тему (вообще, не буду очень заботиться о «системе» заметок: не очень-то она важна). Однажды я посетил в Москве почитаемого мною знакомого Владимира Александровича Кожевникова.² Он был человек огромной начитанности, прямо сказать – ученый. Библиотека его насчитывалась тысячами книг. Он знал все главные европейские языки. Написал и несколько трудов о буддизме (не dokonчив их)...

---

² *Кожевников Владимир Александрович* (1852–1917) – автор книг и статей по истории религии, богословию, проблемам нравственности, писатель и общественный деятель. Считаю возможным привести небольшой перечень его работ, посвященных теме веры и неверия: «Философия чувства и веры в ее отношениях к литературе и рационализму XVIII века и к критической философии». – М., 1897; «О добросовестности в вере и неверии (К учащейся молодежи)». – М., 1908; «Исповедь атеиста (По поводу книги Ле-Дантека «Атеизм»)». – М., 1911; «Современное научное неверие. Его рост, влияние и перемена отношений к нему». – М., 1912.

Незадолго перед смертью он заболел страшной формой лихорадки, которая подбрасывала его на постели, как перышко... Я зашел проведать его. Совершенно мирно он вел, лежа, беседу. И, между прочим, сказал, указывая рукою на тысячи стоявших по полкам книг (с иронией, но безобидной):

– Я всех этих дураков перечитал; и все-таки не потерял веры. Я всегда был верующим.

Скончался мирно. Царство Небесное твое душе, раб Божий Владимир...

Среди книг своих он написал несколько брошюр о вере: они просты по изложению, но очень глубоки... Я теперь позабыл точное оглавление. Но поищу потом и запишу: стоят они того, чтобы всякий, интересующийся этими вопросами, прочитал их – польза будет несомненная.

* * *

Первое впечатление, связанное в памяти моей с верою, пожалуй, была Пасха. К ней вся наша семья готовилась, как и все, еще задолго. И это ожидание все нарастало.

В субботу к вечеру говорили о ночной заутрене на Пасху. Я еще ни разу не был на ней: слишком мал был... Может быть, тогда мне было года 4... И мне необыкновенно хотелось быть на службе. И я стал просить мать взять и меня в церковь... Я ожидал чего-то поразительного. Маленькое сер-

дечко трепетало от грядущей радости. Мама (она в семье была хозяйкой) пообещала; но советовала мне пораньше лечь спать. С надеждой я сразу уснул; а проснулся уже, когда светало. Наши приехали уже из церкви (обыкновенно на этот раз давали лошадь из «имения»).

Оказалось, меня только утешили обещанием, но не взяли. А старший брат, Миша, уже удостоился этой радости. Мне было горько. Но скоро я забыл о своей печали. Пасхальная радость подхватила меня и понесла вперед. Детское горе, как утренняя роса, недолговечно... Но на следующий год я уже был вместе со всеми нашими... Не помню всего: только радость была необычайная... И помимо всего прочего, – при пении «Христос Воскресе» и шествии вокруг церкви – стреляли (из пороха) в пушки, Бог весть откуда-то сохранившиеся у помещиков.³ Было страшно, но и захватывало дух. Все сливалось с общей приподнятостью, еще жгли и бочки со смолой... Ночью это было красиво... Помню, как кругом храма бабы наставили узелки с «пасхами» (сырными), куличами и крашеными яйцами; а в «пасху» втыкались копеечные свечки... «Батюшки» (священник, диакон и дьячок) ходили, пели и кропили их святою водой (после литургии); бабы тотчас завязывали узелки и спешили домой... Огней становилось все меньше и меньше. Костры тоже догорали сон-

---

³ В России существовал обычай (светского происхождения) сопровождать движение крестного хода в пасхальную ночь фейерверком, иллюминацией, а также орудийным или ружейным салютом. Сразу же после завершения крестного хода, когда начиналась Светлая Заутреня, стрельба и фейерверк прекращались.

ливо, точно уставшие за ночь... Заря начинала светать... Мы ехали на телеге. Под колесами и копытами лошади кое-где хрустел еще лед: должно быть, Пасха была ранняя. Дома отец и мать пропели трижды «Христос воскрес»; и мы радостно стали разговляться сладкими пасхою и куличами, с яичками... Было радостно на сердечке... Потом сразу легли спать после почти бессонной ночи. Часов к 11 утра проснулись к обеду. Но уже прежней трепетной радости не было. Какая-то мирная тишина лелеяла душу... Потом игра в яйца на улице, куда собирались все служащие у «господ» «люди». Ни о каком «социальном» неравенстве, понятно, и не думалось: сердце было радостно; пища была вкусна; душа чиста; все кругом – радостны. Чего же лучше? Забывался весь мир!.. Счастливое время...

* * *

Уже много после я обратил внимание на посещение духовенством и нашей хаты на Пасху... После молебна у помещиков батюшка шел по «дворне». Мы ждали. Перед образами горела зеленая лампадка. Все было чистенько... Мы, дети, наблюдали: когда появятся «иконы».

...«Идут, идут!»... Нагибаясь в низкие двери, «батюшки» отпели минутный молебен, похристосовались; папа что-то (вероятно, серебряный пяточок) незаметно вложил, стесняясь, в руку батюшке и попросил «присесть». Предложили

угощение: отказались... Два-три слова, и все ушли...

И только тут я почувствовал, что праздник «дошел» и до нашего дома. А до «икон» точно еще не хватало чего-то. Что это было такое, не знаю и не буду даже объяснять; но это воспоминание врезалось в память навсегда... И я после думал, как неразумно поступают люди, что отказываются принимать в этот день «батюшек»! Какой радости они лишают сами себя... Батюшки даже и не подозревают, вероятно, что за радость ходит с ними, они привыкли. А мне это было как Божие посещение...

Может быть, и теперь, когда мы, духовные, посещаем людей с молебнами на праздники, то они тоже чувствуют радость от нас, или: через нас от Бога!..

* * *

Еще помню, как бабушка (Надежда – Царство ей Небесное! – была святая смиренница) водила меня в церковь, что стояла на горке, верстах в двух от нашего домика. Подводила к причастию Св. Таин. Тогда на меня надевали чистенькую цветную рубашечку, помню – летом – и это тоже нравилось мне. Впечатления от Св. Причащения в этом раннем детстве не помню; но помню: осталось лишь легкое впечатление – мира и тихого, благоговейного, молчаливого, собранного торжества: точно я становился на этот раз взрослым, серьезным...

Один раз мы с бабушкой опоздали к причащению. Мне было это больно... Почему уж меня водили одного из детей (брат Михаил был старше меня на 2 года, но его не водили со мною) – не знаю... Неужели тогда уже был Промысел Божий надо мною, недостойным?

Кстати уж и о бабушке святой. Мама моя рассказывала, что на ней, бабушке, дедушка наш женился не по своему выбору, а по воле родительской, – как это делалось обычно в старину в простых сельских семьях и духовенстве. Дело было так. В один зимний вечер отец дедушки диакон Василий (Оршевский) приходил в дом; а дедушка, Николай, тогда еще молодой человек (почему-то не кончивший учение в духовных школах), лежал на печи.

– Николай, а Николай! – говорит дедушке нашему.

– Что, батюшка?

– Я тебя решил женить.

– На ком, батюшка? – интересуется жених.

– Да вот у о. Василия (в селе этом, Оршевке, был другой диакон, тоже по имени Василий) хочу взять за тебя Надежду.

– Батюшка! Это рябую-то?! – возражает недовольный и невольный жених. А бабушка в детстве болела оспой, и на ее лице осталось несколько крупных, но совсем не портящих лица ее рябин.

– Как?! – разгневался о. Диакон. – Да что? Я разве тебе враг, а не отец? Я знаю, кого выбираю тебе. Ну-ка, слезь с печи!

Дедушка слез; а его отец взял рога (какими в печи ставили у нас горшки и чугуны), да его по спине – раз, другой – и «поучил».

– Прости, батюшка, – запросил дедушка. – Хоть на рябой, хоть на кривой, воля твоя!

И поженили. И какой мудрый был выбор: дедушка был не совсем мирного характера; впоследствии очень много вина пил. А у него был еще и большой пчельник, несколько сот ульев: торговля, меды да браги; да на приходской службе постоянно выпивали; вот и стал алкоголиком. Последние 18 лет жизни (умер 71–72 лет) даже потерял здравый разум, впал в детство. Жил то у нас, то у другой дочери – Анны Соколовой (тоже кроткой святой женщины, бывшей замужем за псаломщиком зажиточным, Яковом Николаевичем). Был очень тихий; только все шутил и улыбался. Никто из детей не боялся его... Умер у тетки Анны; его смерти я не видел.

И вот такому беспокойному жениху Господь послал смиреннейшую жену Надежду. И она никогда не жаловалась, никогда не судилась на дедушку: всегда была тихая-претихая, молчаливая и кроткая.

Да, можно сказать, – «святая». Ап. Павел часто пишет в посланиях про христиан: «Приветствуют вас все святые, а наипаче из Кесарева дома» (Фил. 4, 22); а в другой раз пишет просто: «приветствуют вас (коринфян) все братия» (1 Кор. 16, 20); «приветствуют тебя все находящиеся со мной. Приветствуй любящих нас в вере» (Тит. 3, 15). Первые хри-

стиане жили свято, оставались в семьях, с мужьями, женами, детьми, – или даже рабами. Вот и бабушка была воистину такую.

За то Господь сподобил ее необычайно тихой кончины, о которой мы молимся: «Христианския кончины живота нашего, безболезненны, непостыдны, мирны» – «у Господа просим».⁴ Это я сам помню. Мне, вероятно, было лет 7 уже, а может быть, еще и 6 с лишним. Я спал с маленьким братиком Сергеем (прибавление на большой печи русской, сбоку, для теплого лежания и сна)... Бабушка, как помню, ничем никогда не болела. Было ей тоже около 71–72 лет, вероятно. Но уже стала очень слаба. Должно быть, ради этого горела лампа, притушенная. Вдруг слышу (а может быть, потом уже мама повторяла?):

– Наташа! (Зовет бабушка маму мою.) Сережа-то разметался (т. е. Сбросил с себя одеяльце во сне): покрой его.

Видно, сама уже слала стала: не встала. Мама, очень чуткая вообще и быстрая, мгновенно вскочила с полу и стала покрывать братика. Тут уж я не спал. Потом мама хотела опять ложиться спать; но бабушка вдруг стала как-то необычно трудно дышать. Мама услышала и испугалась. Подошла к ней и говорит папе:

– Отец, отец! Встань-ка, с бабушкой что-то плохо.

Мама была нервна. А отец всегда спокоен: чего волноваться в этом мире? Да и хохлацкое (Федченко!) благодущие бы-

---

⁴ Христианския кончины живота нашего... – слова из просительной ектении.

ло в натуре его (на волах ездили украинцы: все «тихо-сэ-нь-ко»). Папа встал, посмотрел на бабушку и совсем мирно сказал:

– Бабушка помирает.

Мама сразу начала громко плакать... Все проснулись... Я – не помню, – кажется, не взволновался. Папа зажег свечечку восковую, подошел к бабушке:

– Бабушка, перекрестись! – (Вероятно, она еще имела настолько силы.) – Возьми свечку в руки.

Взяла. А потом еще несколько раз вздохнула редко. И совершенно тихо скончалась... Мама зарыдала... На третий день бабушку хоронили. И несли ее по той же самой дороге, по какой мы ходили с ней причащаться. Я впереди гроба нес иконочку... Похоронили ее на кладбище – налево, и почти рядом с часовней. Святая. Это было, кажется, ранней осенью – может быть, в сентябре еще (приблизительно 1886–7 г.). Через полгода скончался у другой дочери, в селе, и больной дедушка.

Я доселе не только поминаю в молитвах бабушку; но когда мне бывает трудно душевно, то и прошу ее, чтобы она помолилась за меня там, у Бога: ее молитва, смиренная и чистая (конечно, она была – чистой жизни), доходит до Бога.

...По связи вспоминаю: как я «говел» после. Это было уже лет 5 спустя, по смерти бабушки...

Священник, о. Владимир, исповедовал постом на правом клиросе. И, кажется, детей невинных исповедовал кучками

человек по 5... Да и какие у нас грехи-то были тогда? Но уже были... Увы! И отлично помню, что после исповеди я с горы летел радостный домой, точно на крыльях летел: так было легко на душе! И уже после исповеди не полагалось есть. Мама, тоже радостная за нас, что мы очистились (а народ говорил: «справились, исправились»), ласково, бывало, говорит:

– Ну, вы ложитесь, ложитесь уж поскорее: чтоб не нагрешить еще. Завтра – причащаться!

И мы, действительно боясь, как бы не запачкать совесть свою даже и словом и мыслью, сразу в постель; и засыпали безмятежным сном невинности. На другой день «сподобились» причаститься... Было еще более радостно и нам, и родителям. Они тогда были особенно ласковы с нами... Святая тишина и любовь входили с причастниками в дом: «Бог любви и мира» – приходил с нами в дом (2 Кор. 13, 11).

Все нас поздравляли; хорошо угощали; вчерашний пост щедро награждался.

* * *

До какой степени дети совершенно реально живут потусторонним миром, всем известно. И если я не помню почти ничего о себе, то запишу кое-что из жизни других детей.

Один 3-летний ребенок – пишет мне его бабушка Ш. – долго мучается коклюшем. Перед сном говорит бабушке:

– Бабушка! Если ты во сне увидишь ангелов, скажи им,

чтобы у меня перестал кашель: я очень устал!

Другая бабушка, приехавшая навестить умиравшую от чахотки дочь в Париже, рассказывала мне про внука Алешеньку:

– Дочь-то моя вышла замуж за комиссара. Он не велел даже и упоминать о Боге. А у меня на груди крест висел, Алешенька-то и увидал.

– Бабушка! Это что такое у тебя?

– Часы, – говорю, – милый мой!

Он послушал: не тикают. Не поверил.

А все же в колокол-то по праздникам звонили. Уж не знаю, откуда, но все же он узнал о Боге. И один раз говорит мне:

– Бабуся! Понеси меня в церковь; я один раз, только раз посмотрю на Боженьку – и больше не буду.

Нередко, в самой ранней поре, они путают священника с Богом. В Болгарии мне встретился 4-летний ребенок, побегал к отцу в лавочку и громко кричит: «Бог, Бог идет!» Я дал ему на гостинец.

В Нью-Йорке негритянский мальчик (в 1933 г.) спрашивает меня по-английски:

– Ты – Бог?

– Нет.

– Кто же ты? Божия Матерь?

– Нет, я – епископ.

Не понимает... Не слышал, вероятно, это слово.

– Священник, priest, priest! – говорю.

Совсем малюсенькое дитя привели в храм. Когда воротился он домой, спрашивают его:

– Ну, что ты видел в церкви?

– Пришел Боженька, напустил дыму нам (из кадила) и ушел. Вот и вся служба.

7-летняя девочка Сонечка. Мать ее заболела. Говорят о смерти. Но дочка совсем спокойна. Когда же мать (К.) особенно жаловалась на боли и боялась смерти, то Сонечка подошла к ней и спрашивает:

– Мамочка, почему ты боишься смерти? Ведь ты же говоришь мне, что в раю очень хорошо у Боженьки. А ты не хочешь туда идти?

...Не знаю, что ответила мать.

Сонечку очень часто причащали, и она любила это.

В Нью-Йорке одна мать очень часто причащает своих крошек: Петра и Павла, беленьких. И как я люблю причащать их! И они тоже. Точно ангелы.

Вспомнил и про более взрослых «ангелов», кадет Донского корпуса (в г. Билече, в Югославии).⁵ Говели по группам (2–3 «роты» – класса).

Однажды, после причащения, пришли ко мне 2 юноши, лет уже по 16–17... Чистые, красивые. Постучались. Впустил.

---

⁵ В 1924–1925 гг. епископ Вениамин (Федченков) был законоучителем в двух кадетских корпусах – Русском и Донском им. Генерала Каледина.

– Что вы пришли? – спрашиваю.

– Та-ак!

Сели. Молчим... Они сидят тихие...

– Ну, как себя чувствуете? – спрашиваю.

– Хорошо-о! – отвечает один.

Другой добавил:

– Будто на Пасху!

Еще помолчали. И мне молча было радостно сидеть с ними. Потом один говорит задумчиво:

– И подумать только: за что Бог дал эту радость нам!.. Только за то, что мы исповедались (т. е. грехи открыли).

Посидели и ушли. А у меня осталось впечатление, будто у меня были настоящие ангелы... И сейчас вспоминать о них радостно.

Другой кадет из того же корпуса, умненький юноша, «первый ученик» в роте, после причащения сказал мне, что он вдруг почувствовал себя таким физически «легким – что весу стало меньше во мне»... Это заслуживает внимания: одухотворяется человек, соединяясь со Христом. И Он, по воскресении Своем, получил духовное тело, которое не имело ни веса, ни плотности; и потому Он являлся, исчезал сквозь двери... И вознесся. И полон смысла обычай Церкви читать (в алтаре духовенством, тайно) после причащения: «Воскресение Христово, видевше», «Светися, светися, новый (будущий, духовный, о коем говорится в Откровении, в 21 и 22 гл.) Иерусалиме»... Город духовный, Божественный, в кото-

ром «не будут иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном, ибо Господь Бог освещает их» (22, 5). «Он имеет славу Божию» (21, 11). «Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего» (21, 2). А потом читают: «О Пасха велия и священнойшая, Христе!.. Подавай нам истее (еще реальнее. – *М.В.*) Тебе причащаются в не вечернем дни Царствия Твоего» (Пасх. Канон, 9 песнь).

Вспомнил и еще об одном необычайном действии Св. Причащения. Но уже не о младенцах по телу...

В Париже пришла ко мне на Сергиевское подворье,⁶ молодая, лет 25, девушка. Писательница. Первый раз вижу.

– Чем могу служить?

– Я пришла к вас исповедоваться.

– Хорошо: отказывать не смеем. А почему вы пришли именно ко мне?

– Меня послала к вам Р-а.

Это была крещеная еврейка, знакомая девушке.

После еще нескольких фраз я хотел приступить к таинству

---

⁶ Сергиевское подворье в Париже было основано в середине двадцатых годов трудами управляющего русскими приходами в Западной Европе митрополита Евлогия (Георгиевского), кн. Г. Н. Трубецкого, М. М. Осоргина и других русских изгнанников. При подворье был создан Богословский институт, в котором преподавали о. Сергей Булгаков, Г. В. Флоровский, Б. П. Вышеславцев, А. В. Карташев и В. Н. Ильин. Епископ Вениамин был профессором, а также занимал должность инспектора института. По отзывам современников, владыке Вениамину Богословский институт во многом был обязан царившей в его стенах особой духовной атмосферой, почти монастырским укладом жизни.

исповеди. Вдруг посетительница с решительностью заявляет:

– Нет! Я у вас исповедоваться не стану.

– Что такое? Почему?

– Да я хочу исповедоваться у такого священника, который бы меня не знал совсем, а я его. Между тем, я вот поговорила с вами всего 5 минут, а мне кажется, будто я знаю вас уж 20 лет. Нет, не буду, не буду! Мне стыдно будет!

И хотела уже уходить.

Я усиленно начал убеждать ее отбросить это диавольское искушение. Но она стояла на своем: не буду, не буду!

Тогда я пустился на невинную хитрость:

– Послушайте, – говорю, – ну вы не будете ничего говорить, только станете на колени, и я вместо вас буду говорить: если мои слова верны будут, то вы молчите; а если неправильны, скажите лишь: нет. Это уже не трудно.

Пометавшись еще, она согласилась. Я прочитал молитвы. Стали на колени. Я говорил... Исповедь, слава Богу, совершилась. Был Великий Страстной Четверг, после обедни. На другой день литургия и причащение не полагаются. Выносятся лишь на вечерне Плащаница. Жертва совершается Голгофская.

Исповедница была на службе. После вечерни прибегает ко мне в комнату и в ужасе говорит:

– А у меня снова хаос в душе. Снова закружилось все в голове. Это все – очень прекрасно; но что, если все это лишь

наше собственное создание сердца и ума? А что, если всего этого на самом-то деле нет? (о сомнениях я буду дальше писать специально).

– Да почему вы так думаете?

– Я и сама не знаю: почему! – в ужасе и горе с мукой говорит она. – Пришли эти вопросы в голову откуда-то, помимо моей воли. И я опять вся развалилась. Это – ужасно!

– Подождите, подождите! – сказал я. И вдруг мне пришла мысль: прочитать ей что-либо из Евангелия. Она остановилась.

– Мы с вами не будем сейчас доказывать бытие и истину миру... А просто посмотрим ее... Увидим своими очами.

– Как? – удивленно спрашивает она с радостной тайной надеждой выйти из охватываемого ее ужаса сомнений.

– Вот Евангелие. Что такое оно есть? Мы говорим: «Откровение» Божественное, «Слово Божие». Если «откровение», то оно не доказывает, а просто показывает, «открывает» нам тот мир, его несомненную действительность и истину. Ну, вот, открою, где попало; и мы с вами почитаем, и – увидим тот мир.

Я открыл случайно Евангелие от Марка, и пальцы упали на конце 5-й главы. Читаю ей про воскрешение дочери архисинагога:

– «И, взяв девицу за руку, говорит ей (Христос): талифа, куми! что значит: девица, тебе говорю, встань.

И девица тотчас встала и начала ходить, ибо была лет

двенадцати. Видевшие пришли в великое изумление. И Он строго приказал им, чтобы никто об этом не знал; и сказал, чтобы дали ей есть» (ст. 41–43).

– Ну, посмотрите, – говорю. – Разве же не очевидно вам, что все это записано достоверными очевидцами?! Ну, скажите: зачем бы им писать о девочке-полудевице, что она, по воскресении, «начала ходить» по комнате?! Не все ли равно: ходила ли, сидела ли (ср. Деян. 9, 40–41) Тавифа, воскрешенная ап. Петром, «открыла глаза свои и, увидев Петра, села. Он, подав ей руку, поднял ее...» И, однако, эту деталь очевидцы заметили и записали. Св. Ев. Марк, как известно, писал со слов своего учителя ап. Петра, который был при этом чуде с Иоанном и Иаковом (ст. 37). И их самих удивило это хождение: только что была мертвою, а теперь уже гуляет, как здоровая. Известно же, что дети не любят сидеть, а любят двигаться, делать что-нибудь. И Апостол объяснил именно этим: ей было тогда еще лишь «около 12 лет»... Девочка еще... А потом: «дайте ей есть»... Другая замечательная деталь; хотя и ходила она по комнате, но за болезнь все же ослабла; и Спаситель и об этом позаботился. Ну, – говорю, – скажите сами (вы – честная и умная девушка) – разве не очевидно всякому непредубежденному уму и сердцу, что это все действительно было? Ну разве же в самом деле не «открылось» и вам, что все это – истина? И если истинны эти 2–3 стиха, то истинно и все, что выше и ниже написано о Христе и об Отце Его и Духе Святом и вообще все то, что

открыто в Евангелии о том мире?! Скажите сами.

– Да, это верно! – тихо подтвердила смущенная писательница. – Это правда.

– Ну, идите же с миром, а завтра причащайтесь. Если же найдут снова на вас сомнительные помыслы – то не обращайтесь на них ни малейшего внимания. Будьте спокойны и тверды: вы видите, что все это «в самом деле» было и есть.

Она ушла совершенно умиротворенная.

В Великую Субботу причастилась. Только что я возвратился из храма в свою комнату, приходит и она, чрезвычайно радостная. Я любил приглашать причастников на чай.

– Пожалуйста, пожалуйста! Входите!

– Нет, я не останусь. Я лишь на одну минуту забежала.

– Да вы бы хоть чаю выпили?!

– Нет, нет, нет! – говорит она, все продолжая стоять в коридорчике. – Я только пришла сказать вам, что произошло со мною во время причащения...

Я молчу... Она, секунды две-три передохнувши, сказала:

– Во время причащения мне явился Сам Господь Иисус Христос.

(А дальше я вот уже не помню подробностей, сообщила она лишь очень кратко.)

– Вот об этом я и забежала сказать Вам!

И, получив благословение, она, радостная, сияющая пасхальной озаренностью, быстро убежала...

После я никогда больше не встречал ее... Где-то ты, душа

Божия? Верю, что бы ни случилось с тобою, но Христос не напрасно тебе явился как-то особенно очевидно после Причащения... Не даст Он тебе погибнуть ни в омуте житейском, ни в бездушной лжи неверия... Еще – о деточках.

В Симферополе в семье Р-х умирал 3-летний любимец. Родители плачут. А он говорит им: «Домой, домой ухожу».

Граф А-н⁷, в присутствии членов Синода, в 1920 г., в Херсонском монастыре рассказал о своих девочках (Марфиньке и, кажется, Наденьке) следующее:

– Они уже были в постельках (в Ялте). Я, по обычаю, вошел к ним в спальню, чтобы на ночь перекрестить их. Дверь отворялась бесшумно. Слышу их разговор:

– А как ты думаешь: они ныне придут к нам? – говорит одна.

– Я думаю, придут...

О ком это они? – о родителях, что ли? Спрашиваю:

– Кого вы ждете еще? Кто – придут?

– Ангелы, – просто ответили они.

– Какие ангелы?

– Беленькие, с крылышками.

– Они к вам ходят?

– Да!

Я больше ни о чем не спрашивал. Молча перекрестил и

---

⁷ Граф А-н – вероятно, граф Апраксин – член так называемого «Крымского Синода», Временного Высшего Церковного Управления (ВВЦУ) епархий юго-востока России, членом которого состоял и владыка Вениамин.

со слезами радости вышел.

Жена у него тоже – «святая», из рода князей Барятинских... О ней тоже нужно было бы записать знающим жизнь ее... Смиреница была... И чистая... И верующая душа...

Лишилась всего, но они никогда не роптала не только на Бога, но даже и на большевиков... Святые были и из аристократов, а не только из простого народа...

Об ангелах еще припоминаю рассказ еп. Тихона (тогда еще архимандрита) (Тищенко), бывшего настоятелем в Берлинской Русской Церкви. В 1923 году я был приглашен читать лекции на съезде Христианской молодежи в городе Фалькенберге, недалеко от Берлина. Был и о. архим. Тихон. Он был очень образованным богословом, инспектором в Киевской Духовной Академии, магистром. Происходил из крестьянской семьи, из г. Белой Церкви. У них была большая семья: человек 7 детей. Последний ребеночек – Мария опасно заболела. После нескольких бессонных ночей мать их, положивши дитя возле себя на кровать, заснула. А мальчик – тогда еще Тимофей – сидел у окна.

– Мне было лет 7. Вдруг я увидел ангела с Манькой на руках и закричал: «Мамо! мамо! Маньку взяли, Маньку взяли!» Мать проснулась: «Что ты кричишь?» – «Да Маньку взяли!» – «Кто взял?» – бросилась она смотреть дитя больное. «Ангел взял. Я видел». Мать взяла Марию, но она уже была мертва.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.